

Vladimiras Ivanovičius Kulakovas – Rusijos mokslų akademijos Archeologijos instituto vyriausiasis mokslo darbuotojas.

Moksliniai interesai: Europa ir Baltija I m. e. tūkstantmetyje.
El. paštas: drkulakov@mail.ru.

Vladimir Ivanovich Kulakov – senior researcher of Institut of Archeology, Russian Academy of Science.

Research interests: Europe and Baltic in the first Millenium D. C.
E-mail: drkulakov@mail.ru.

Владимир Кулаков

ШТАНГЕНВАЛЬДЕ И КОРАЛЛЕНБЕРГЕ

Anotacija

Svarbiausi vikingų epochos Pietryčių Baltijos archeologiniams tyrimams yra tarpusavyje susiję gyvenvietės Korallenberge ir kapinynas Stangenwalde. Šitie archeologijos paminklai yra pietvakarinėje Kuršių nerijos dalyje. Teiginys, kad šie du „prieš ir ankstyvojo Ordino“ laikotarpio paminklai yra sinchroniški ir tarpusavyje susiję, O. Tišlerui ir kitiems prūsų archeologams XIX a. abejonių nekėlė. Šiais laikais ši požiūrį palaikė R. A. Širouchovas. Gyvenvietės Korallenberge kasinėjimų medžiaga leidžia abejoti minėtų archeologijos paminklų sinchroniškumu. Radinių, rastų šiuose archeologijos paminkluose, analizė leidžia teigti, kad gyventojai, palikę gyvenimo veiklos pėdsakus gyvenvietėje X–XII a. pradžioje, laidojo savo mirusiuosius dar archeologų nežinomo Stangenwalde kapinyno teritorijoje. PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Kuršių nerija, Stangenwalde, Korallenberge, vikingų epocha, ordino laikotarpis.

Abstract

The major for archeology of southeast Baltic of an era of Vikings are Korallenberge connected among themselves the settlement and Stangenwalde burial ground. These monuments of archeology are located in southwest part of Curonian Spit. The thesis about synchronism and communication among themselves «before - and early Ordertime» time in O. Tishler and other Prussian archeologists of the XIX century of doubt didn't cause these two monuments. Nowadays this point of view was supported by R. A. Shiroukhov. Got by excavation on Korallenberge settlement the material allows to call into question synchronism of this settlement and a soil burial ground of Stangenwalde. The joint analysis of the finds occurring from these monuments to archeology, allows to assume that the population which has left traces in settlement activity on a platform of the settlement of

the X-head of the XII centuries, buried dead on a site of a burial ground of Stangenwalde, while unknown to archeologists.

KEY WORDS: Curonian Spit, Shtangenwalde, Korallenberge, era of Vikings, time of Teutonic Order.

Летом 1869 г. др. Шнайдер приобрёл (?) в пос. Rossitten (ныне – пос. Рыбачий Зеленоградского района Калининградской обл.) пару маленьких «урн» и некое украшение из бронзы, отвезённые им позднее в Кёнигсберг. Для обнаружения могильника, откуда происходят эти находки, в окрестности указанного посёлка осенью того же года отправились по инициативе Физико-Экономического Общества его члены профессора фон Виттих, Г. Беренд и Р. Ломейер, студент-медик П. Шиффердеккер. Примерно в 5 км к юго-западу от посёлка ими было отмечено местоположение бывш. посёлка Stangenwalde, поглощённого странствующими дюнами. В четверти мили к северу от него была найдена на берегу Куршского залива параболическая дюна, расположенная ниже уровня дюны «Schiefen Berg» (Biermann, Hergeligi, Voigt, Bentz, Blum, 2011, 282), на поверхности которой обнаружались остатки развеянных древних погребений (рис. 1, 2). Раскопками в кон. XIX в. на расположенном здесь грунтовом могильнике (рис. 3) были обнаружены не менее 24 погребений, довольно подробно опубликованные (Schifferdecker, 1872, 42–56). Погребальный обряд на могильнике представлен трупоположениями с различной ориентировкой. Костяки находились в гробах, доски которых скреплялись железными гвоздями. Примерно в половине гробов кости покойных были перекрыты слоями ритуального погребального костра. Глубина могил не превышала 1 м. В одной могиле могло располагаться ярусами до 3 погребений (Schifferdecker, 1872, 43). С костяками обнаружены многочисленные детали погребального инвентаря, включающие украшения, оружие и предметы быта. Эти находки (а также результаты раскопок 1870, 1871, 1874 и, вероятно, 1930 гг. – Engel C., 1931, Abb. 17) поступили в Prussia-Museum (Königsberg) и долгое время считались пропавшими в конце Второй Мировой войны (Кулаков, 1990, 86, 87). В 2009 и 2010 гг. группа немецких археологов обработала поступившие в послевоенное время в Музей предыстории и ранней истории (Берлин) находки из грунтового могильника Stangenwalde. Ими были реконструированы все 38 доступных для обработки погребальных

Рис. 1. Памятники археологии юго-западной части Куршской косы (по: Костык, Кулаков, 2009, рис. 1)

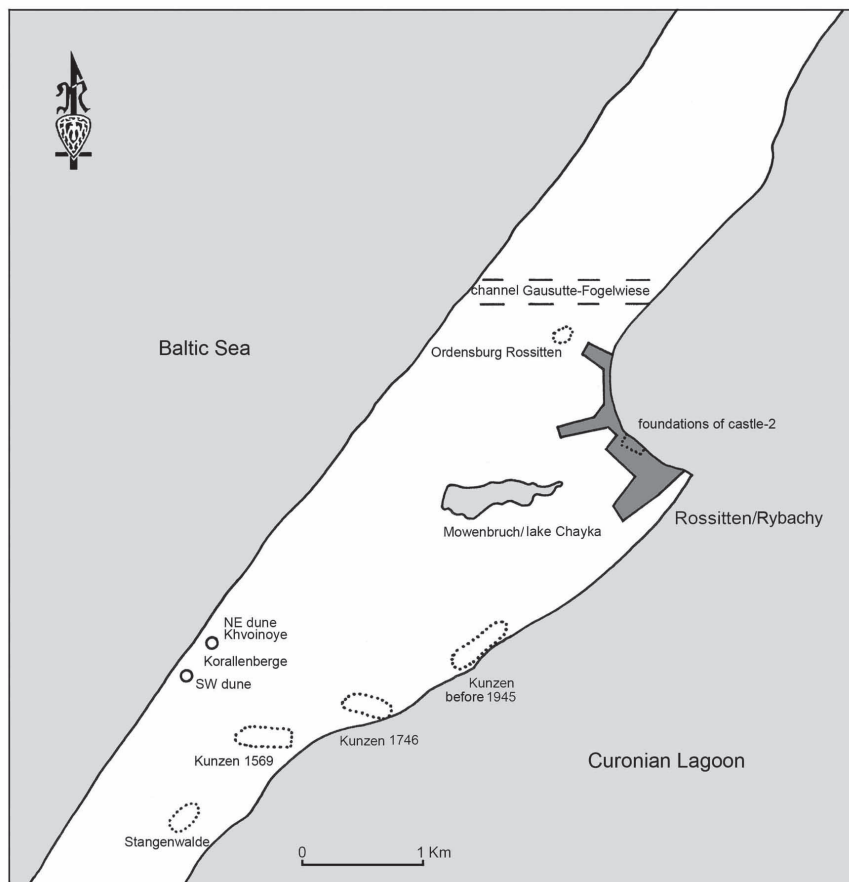

Рис. 2. Археологические памятники и остатки поселений Нового времени в окрестностях Rossitten/пос. Рыбачий (Кулаков В. И.)

комплекса и проведена типология составлявших их находок, доказана их принадлежность к куршским древностям (Biermann, Hergeligiū, Voigt, Bentz, Blum, 2011, 215–252, Abb. 19). Согласно рассказу местного жителя Вернера Мушкайта, его отец во второй половине XIX в. пытался перезахоронить человеческие кости, открывшиеся на этом могильнике из-за эоловой эрозии. Он был поражён огромными размерами древних скелетов, вполне сопоставимых с ростом куршей, обитавших на косе в XIX в., весьма часто достигавших 2 м (Pietsch, 1982, 93).

Впервые археологический памятник, располагающийся в 6 км к юго-западу от Rossitten / Рыбачий в урочище Korallenberge, известен

науке с 1869 г. В отличие от грунтового могильника Stangenwalde упомянутое поселение — единственный из памятников археологии в юго-западной части Куршской косы, расположенный на морском берегу (рис. 4). Он был обнаружен в ходе археологических разведок профессорами фон Виттих, Г. Берендт и Р. Ломейер. Видимо, наткнувшись при шурфовке на южной и северной дюнах указанного урочища под дёрном на слой «стерильного» дюнного песка, упомянутые выше коллеги из Кёнигсберга посчитали этот памятник грунтовым могильником, уничтоженным эрозией (Schifferdecker, 1873, 51). После того, как дюны Korallenberge были исследованы в 1870 г. Паулем Шиффердеккером, не осталось сомнений в том, что в уроч. Korallenberge обнаружены остатки поселений (Schifferdecker, 1873, 60). В кон. XIX в. местная детвора добывала на них металлические находки, продавая их потом за «пару пфеннигов» (Schifferdecker, 1873, 55–60). П. Шиффердеккер считал, что поселения Korallenberge связано с расположенным в «120 шагах» южнее грунтовым могильником Stangenwalde, датировал эти памятника XIV–XV вв. и связывал их с деятельностью аллохтонов-лизов (Schifferdecker, 1873, 60, 65). Тезис о синхронности и связи между собой этих памятников у О. Тишлера (Tischler, 1874, 26) и других прусских археологов XIX в. сомнения не вызывал (Bezzenberger, 1889, 251).

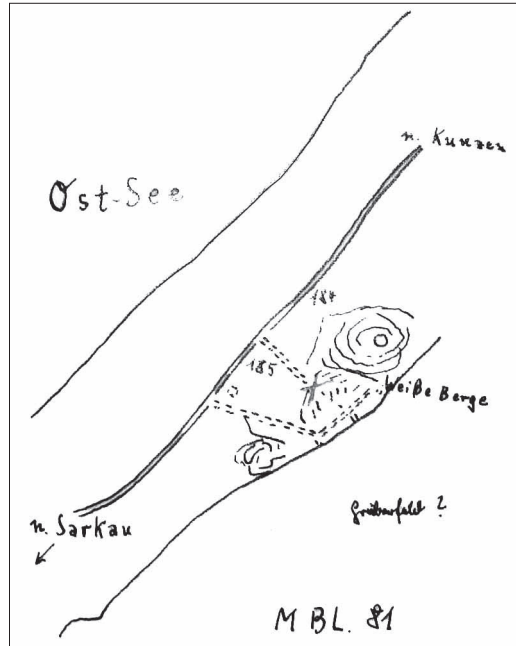
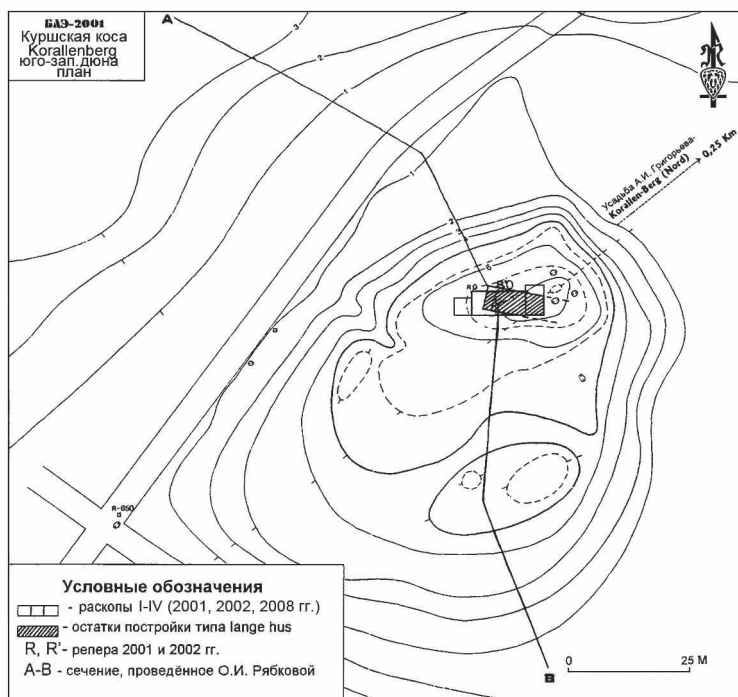

Рис. 3. Местонахождение (помечено †) грунтового могильника Stangenwalde (по: Archiv R. Grenz, Archäologisches Museum Gottorf)

Профиль Куршской косы (пос.Хвойное) через Korallen Berg (Süd) 25.07.2002 г.

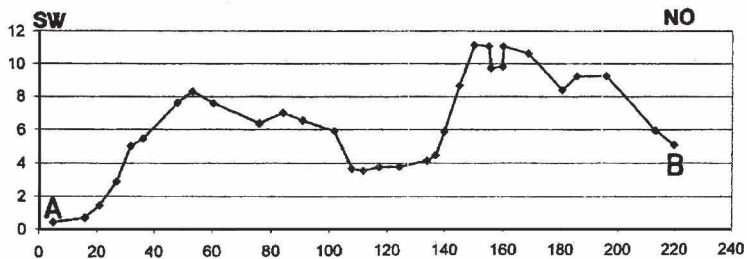

Рис. 4. План и сечение поселения на юго-западной дюне Korallenberge (по: Kulakov, 2005, Abb. 1)

На площадке поселения, расположенного на юго-западной дюне Korallenberge, Балтийской экспедицией ИА РАН были вскрыты Раскопы I (2001 г.), II и III (2002 г.), IV¹ (2008 г.). Общая площадь

¹ Работами на Раскопе IV площадью 16 кв. м в 2008 г. руководил Е. А. Тюрин, по техническим причинам не сдавший полевой отчет в архив ИА РАН.

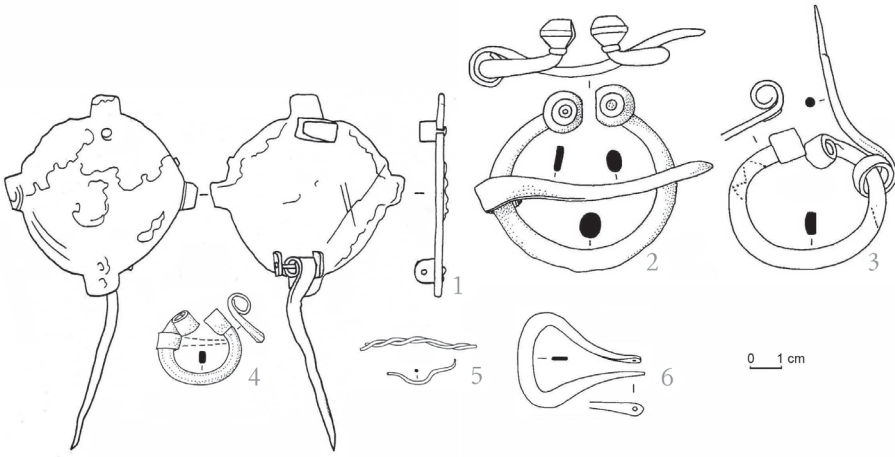

Рис. 5. Находки бронзовых украшений в верхнем горизонте на юго-западной дюне Korallenberge: 1 – фибула из Р. I, № 8; 2 – фибула из Р. III, № 19, найдена в остатках кожаного кошелья (?); 3 – фибула из Р. III, № 16, найдена в остатках кожаного кошелья, выстланного берестой, вместе с куском янтаря; 4 – фибула из Р. I, № 135; 5 – фрагменты браслета (гривны ?) из Р. II, № 24; 6 – рамка пряжки из Р. II, № 132 (по: Архив ИА РАН, Кулаков В. И., 2001; 2002, № 22942)

вскрытой части площадки поселения достигла 85 кв. м. Все раскопы объединены наличием в их пределах остатков двух строительных горизонтов. На первых двух штыках присутствовал дюнный песок мощ. от 0,25 до 1,00 м – результат позднейшей эоловой агрессии (Кулаков, Жиндарев, Волкова, 2003, 105).

Верхний горизонт культурных напластований, вскрытых в пределах Раскопов I–III, характеризуется следующим образом:

Под дёрном располагается массив дюнного песка новейшего происхождения, перекрывающий напластования, состоящие из слоёв зolistой супеси и крупнозернистого песка с обильным содержанием частиц золы. Общая мощность напластований верхнего яруса колеблется в пределах от 0,35 до 0,50 м. На Раскопе III (2002 г.) на шт. 5 был найден фрагмент витого браслета (рис. 5,5).

В числе объектов, входящих в верхний горизонт, выявлены следующие комплексы с находками:

Рис. 6. Реставрированный раннегончарный сосуд из развала, обнаруженного в Р. I Korallenberge, яма 1, № 65г (Кулаков В. И.)

XII вв. (Žulkus, 1997, 176 pav., 7, 32 lent.). Прототип для этой пластинчатой фибулы, относящейся к куршским древностям, известен в зольнике (нем. Aschenplatz – «скопление золы», т.е. – место сожжения, откуда их остатки переносились в могилы) могильника «Гора Великанов» (г. Пионерский, Зеленоградский р-н) (Кулаков, 2006, 155, 156). Обломки лепной керамики имеют в верхнем ярусе, как правило, серо-охристый цвет, в примеси – мелкая дресва. Круговая керамика на примере развала кухонного сосуда № 65г (рис. 6) – охристо-серая, со следами нагара извне, в примеси – песок. Данный сосуд предварительно можно отнести к подтипу Žulkus B-1a (XI–XII вв. – Žulkus, 1997, 215).

Глиняная вымостка (Р. I) – подквадратной в плане формы, разм. 0,36 x 0,39 м, глуб. слоя обожжённой глины – от 6 до 8 см. Практически по оси запад-восток глиняную вымостку пронизывают ямки от парных столбов, каждая из которых имеет стандартный диам. 0,10 м и глуб. 0,20 м. Первоначально были выбраны эти ямки, затем в них поставили столбы и по основанию их была создана глиняная подквадратная в плане вымостка. Затем столбы были временно изъяты для

Яма 1 (Р. I) – столбовая, овальной в плане формы, разм. 0,30 x 0,26 м, глуб. от верхней границы верхнего горизонта 0,13 м, заполнена супесью с большим количеством золистым и углистыми включениями. В 0,20 м к северу от ямы 1, на 0,53 м выше уровня её дна обнаружена обожжённая пластинчатая бронзовая фибула. На её лицевой стороне сохранились остатки оловянисто-цинковой плакировки (рис. 5,1). На тыльной стороне фибулы виден прорезной знак в виде «косого креста», соответствующий руне gebu. Аналогии этой застёжке известны лишь на куршском городище Бирутес Калнас, где такая фибула датируется Владасом Жулкусом IX–

проведения обжига этой вымостки. После завершения этого процесса столбы были водружены на свои места. Такой домостроительный приём, чуждый балтским традициям, был популярен в Скандинавии эпохи викингов.

Важнейшей чертой характеристики верхнего горизонта Раскопа I являлось обнаружение в его северо-восточной части значительного числа сожжённых древесных остатков (доски толщиной до 3 см). Возможная интерпретация этих углистых прослоек – остатки сгоревшего дважды возобновлявшегося пола. В нижнем углистом слое, под массивом золы в кв. 10 найдена бронзовая подковообразная фибула № 16 (рис. 5,3) с закрученными концами. Характерная черта этой фибулы – овалы очертания её дуги – указывают на скандинавское происхождение этой находки. Андерс Карлссон на основе анализа готландского материала относит такие застёжки к типу RUL:SM (rullarna smala) и датирует IX–XI вв. Учитывая отсутствие у фибулы из Korallenberge характерных для X в. шести граней на дуге, эту находку можно отнести к XI в. (Carlsson, 1988, 69). Две аналогичные бронзовые фибулы были обнаружены на одной из дюн Korallenberge в 1870 г. (Schifferdecker, 1873, 58; Taf. XI, 6, 7). Относительно позднюю датировку фибулы № 16 подтверждает найденная в 1 м к западу от неё фибула № 19 (рис. 5,1), по бисферическим наворачиваниям окончаний дуги относимая к типу Carlsson VAL (не ранее начала XI в. – Carlsson, 1988, 73–75).

Массив грунта верхнего горизонта подстилался линзой чистого песка эолового происхождения, являвшегося нижней границей верхнего горизонта. Ниже располагался **нижний горизонт** со следующими комплексами:

Яма 4 (Р. I) – овальное в плане углубление в материке, разм. 2,50 x 1,52 м, ориентированное по линии северо-восток – юго-запад, глуб. до 0,17 м. В заполнении ямы 4 и в непосредственной близости от неё найдены: бронзовая накладка, пронизка синего стекла, бронзовая бусина, ладейные и «щитовая» заклёпки, шило, точило сланцевое, бронзовая игла от пластинчатой фибулы, обломок венчика кругового горшка со следами починки (подтип Žulkus B-1b=Gruppe Teterov, XI в.: Žulkus, 1997, 216, 217; 119 pav., 2). Среди образцов орнаментики, встреченных на фрагментах круговых сосудов из ямы 4

и в слое Раскопа II, обращает на себя внимание фрагмент с декором типа «Rollenstamp». У северо-западного борта ямы 4 найден обломок глиняного диска от вертикального ткацкого станка (грузило от рыболовной сети?) с имитацией оттиска птичьей лапы. Распространённые на скандинавских и куршских поселениях, такие диски на рубеже X–XI вв. выходят из употребления (Штакельберг, 1962, 115; Žulkus, 1997, 255). В материале ямы 4 встречены фрагменты лепных сосудов подтипа Žulkus A-1a, который литовский коллега выводит из традиций раннего и среднего железного века (Žulkus, 1997, 199).

Яма 1 (Р. II) – овальной в плане формы (в пределы Раскопа II вошёл лишь северный сектор ямы 1), шириной не менее 0,7 м, общей глубиной 0,75 м, заполненной у своего дна слоем предматерикового песка. На восточном краю этой столбовой ямы найден типичный для куршских древностей эпохи викингов бронзовый спиральный перстень из проволоки круглого сечения.

Яма 2 (Р. II) – овальной в плане формы, шириной не менее 1,5 м, общей глубиной ок. 0,90 м, заполненной в придонной части различными формами предматериковой золистой супеси. На позднейшем этапе существования поселения частично засыпанная золистой супесь яма 2 использовалась в качестве углубления для столба. Его основание было укреплено камнями, вдавленными в грунт раннего горизонта и в его пределах обнаруженные. Между этими камнями найдено глиняное грузило № 47 для вертикального ткацкого станка скандинавского типа (Žulkus, 1985, 10).

Яма 1 (Р. III) – вытянутая по линии северо-запад – юго-восток, овальная в плане, разм. 1,90 x 1,05 м, общая глубина ямы – 0,55 м, яма заполнена в своей придонной части фракциями предматериковой супеси с различными вариантами золисто-углистых включений, на уровне материка перекрытой прослойками древесного угля и песка общей мощностью 0,14 м. Принадлежность ямы 1 на ранней фазе её существования, в раннем строительном горизонте – хозяйственная или, скорее, мусорная яма, в которой происходило выжигание (случайное или намеренное) органических остатков. На этом уровне у края северного борта ямы 1 найден обломок заготовки каменного якоря.

На месте скопления сожжённых досок в кв. 10 была отмечена высокая концентрация находок. Здесь найдены 40 костей животных (в т.ч. – лосиные кости), часть копыта оленя, 2 козьих рога, обточенный фрагмент рога косули (?) и фрагмент лопатки лося (?) с заровненной внешней поверхностью, на которой видны прорезанные остриём знаки, напоминающие руны младшего футарка *kaun / turs / gebo*² (Kulakov, 2006, 156). Севернее, под одним из скоплений обожжённой глины, в кв. 4 найдены фрагменты венчиков лепных (тип *Tonkumpf*, IX–X вв. – *Lingström*, 1992, 244) и круговых (подтипов *Žulkus B-1a* и *B-1b*) сосудов. Такие керамические формы, как тип *Tonkumpf*, для керамики окрестностей Паланги сведены В. Жулкусом в подтип *A-3d*. По справедливому мнению литовского коллеги, такие сосуды имеют скандинавское происхождение и датируются IX–X вв., не заходя в XI в. (*Žulkus*, 1997, 209).

В кв. 15 обнаружен обломок венчика лепного светло-серого сосуда с крупной дресвой и шамотом в примеси, обе поверхности сосуда заглажены, снаружи – дополнительные расчёсы. Подобные формы лепных сосудов яйцевидной формы характерны для скандинавских древностей X–XI в., встречаясь в материалах поселения *Eketorp-III* на о. Оланд (*Selling*, 1998, 88, fig. 58) вместе с круговыми сосудами с секировидным венчиком группы *Selling A/VI* и с керамическими крышками с S-видным профилем группы *Selling VII*, аналоги которым также найдены на Раскопе I. Таким образом, можно сделать предварительный вывод о сходстве керамических комплексов поселений типа *Eketorp* и *Korallenberge*, что указывает на их синхронное существование на поздней фазе эпохи викингов. Учитывая приведённое выше мнение В. Жулкуса о дате существования лепных скандинавских сосудов яйцевидной формы и производных от неё (общий признак – неструктурированный венчик) форм, керамический комплекс нижнего горизонта в целом можно отнести к X в. и уверенно предположить участие скандинавов в его создании.

Комплекс янтарной мастерской (юго-западная часть Р. I) – пятно янтарной пыли характерного тёмно-оранжевого цвета с включениями соответствующих крошек, разм. не менее 2 м x 0,5 м, вытя-

² Согласно определению к.и.н. Ф. Б. Успенского, которому автор выражает свою признательность.

нутое по линии северо-восток – юго-запад. Мощность слоя пыли – до 0,5 см. При снятии слоя янтарной пыли в южной части скопления найдены фрагменты лепных и круговых сосудов, по типологии соответствующие упомянутому выше керамическому материалу Eketogr-III. У северо-восточной границы янтарной мастерской найдены кусок янтаря и янтарная заготовка, кремневый резец, каменный молоток для дробления янтаря и калачевидное кресало. Аналогичные упомянутой янтарной пластине находки известны на городище Бирутес Калнас (Žulkus, 1997, 183 att.).

Кроме того, к западу от скопления рыбьей чешуей на нижнем горизонте в Раскопе I найден костяной односторонний сложносоставной гребень с циркульным и прорезным орнаментами. Согласно типологии О. И. Давидан эту находку можно предварительно отнести ко второй группе, датируемой IX–XI в. (Давидан, 1962, 101). Современные исследования в Западной Европе позволяют уточнить датировку таких артефактов в пределах 950–1010 гг. (Tweddle, 1992, 326).

Керамический материал из янтарной мастерской даёт достаточно обильный спектр форм лепных сосудов (яйцевидные горшки, сосуды с прямым и слабо отогнутым венчиком, украшенным насечками – архаичный для эпохи викингов подтип Žulkus A-1a). Встреченные вместе с этими находками фрагменты круговых сосудов с секировидным венчиком подтипа Žulkus B-1a и линейным (нередко – вместе с гребенчатым штампом) орнаментом сходны с находками из верхнего горизонта (рис. 7,4,5; рис. 10,10). Это замечание позволяет предполагать кратковременный hiatus, разделяющих на временной шкале верхний и нижний горизонты на юго-западной дюне Korallenberge.

Весьма скромные параметры и отсутствие валов и рвов не позволяют считать данное поселение классическим городищем. Скорее всего это – укреплённая усадьба, возможно – эмбрион позднейшего замка.

Дата нижнего горизонта устанавливается в общих параметрах по керамическому материалу (лепные яйцевидные сосуды и раннегончарные горшки подтипа Žulkus B-1a) в пределах X – нач. XI вв. Возможно, более узкие рамки для существования и гибели нижнего яруса даёт находка костяного гребня с датой ок. 950–1010 гг.

Верхний горизонт, заметно отличающийся от подстилающего горизонта сведением к минимуму фрагментов лепных сосудов (яй-

цевидные формы отсутствуют), уверенно датируется по керамическому материалу и по находкам фибул XI в., быть может – первыми годами XII в.

После фатального пожара, бушевавшего на поселении Korallenberge в начале XII в. (эта дата – серьёзный исторический рубеж для Самбии, что подтверждается соответствующей датойклада из Гарбика – Кулаков, 2011б, 133–141), жизнь там не возобновлялась.

Находки, добытые при раскопках поселения Korallenberge, дают редкую для Балтии и уникальную

для территории России возможность представить себе поздне- и пост-викингские поселенческие древности в пределах закрытых комплексов. Дело в том, что после начала эрозии юго-западной дюны Korallenberge в её культурные напластования никто не вторгнулся до 2001 г., времени начала археологических раскопок. Более того, отсутствуют повреждения напластований между горизонтами, на которые удалось расчленить культурный слой этого поселения.

Обломки раннегончарных сосудов, в том числе – подтипа *Žulkus B-1a*, в массе встреченные в верхнем горизонте, позволяют датировать его *terminus ante quem* нач. XII в. Этой дате не противоречат сделанные здесь находки подковообразных фибул с закрученными концами – типу Carlsson RUL:SM (*rullarna smala*). Они заметно отличаются от однотипных застёжек, известных в Балтии позднее, вплоть до нач. XIII в., когда сечения дуг фибул обретают овальное (а не плоское, как в Korallenberge) очертание, а рулонные навершия дуги раскованы гораздо шире диаметра её дрота (Biermann, Hergeligiū, Voigt, Bentz, Blum, 2011, 253, Abb. 22).

Сходная хронологическая характеристика присуща фибуле с макровидными навершиями дуги (рис. 5,2). Для Балтии они характерны в X/XI–XIV/XV вв. Правда, для раннеорденского времени такие фи-

Рис. 7. Круговой сосуд из раскопок на могильнике Stangenwalde (по: Schifferdecker, 1872, Taf. 2,11)

булы, как правило, имеют или дрововую, весьма тонкую дугу, или же, напротив, дугу с расширенной частью, противостоящей навершиям (Biermann, Hergeligiū, Voigt, Bentz, Blum, 2011, 255, Abb. 24). Фибула из Korallenberge, относящаяся к типу Carlsson VAL (не ранее начала XI в. – Carlsson, 1988, 73–75), представляет собой генетически раннюю версию таких застёжек. Также не позднее нач. XII в. может быть датирована пластинчатая крестовидная фибула № 8 (рис. 5,1). Несмотря на то, что типология таких застёжек не разработана, она не может быть изготовлена много позже финала эпохи викингов в соответствии с общей датировкой того горизонта, в пределах которого она обнаружена.

Примечательно то, что серия находок, характерная для нижнего горизонта поселения Korallenberge, встречается в ряде погребений грунтового могильника Kleine Kaup (г. Зеленоградск), находящегося в 34 км к юго-западу от Korallenberge. Речь идёт о фрагментах костяных односторонних гребней с прорезным и циркульным орнаментами, обрубках гривен «литовского типа» (исключительно бронзовых, а не серебряных, как на территории совр. Литвы), обломках спиральных перстней. Все эти и многие другие категории вещей представлены и в нижнем ярусе Korallenberge, и в могилах Kl. Kaup (Кулаков, 2011а, 94), указывая тем самым на синхронное существование этих памятников (в том числе – поселения к северу от могильника Kl. Kaup, с которым он связан). При их создании и функционировании активное участие принимали курши.

В связи с этим неподдельное удивление вызывают хронологические изыскания докторанта Института Балтийской региональной истории и археологии Клайпедского университета Р. А. Широухова. Публикуя находки фибул из Korallenberge³ в отрыве от сопутствующего материала, Р. А. Широухов делает выводы о весьма поздней дате поселения Korallenberge. Не подозревая о наличии там двух строительных разновременных горизонтов, относящимися преимущественно к эпохе викингов, Р. А. Широухов заявил об отнесении фибул из Korallenberge к XII–XIV вв. (Широухов, 2011, 194, 195).

Этнокультурная принадлежность обитателей усадьбы на южной дюне Korallenberge, судя по очевидным параллелям в вещевом ма-

³ Без моего разрешения, что выходит за рамки научной этики.

териале, идентична такому же признаку жителей городища Бирутес-Калнас, чей куршский этнос считается бесспорным. Правда, весомое присутствие здесь (и на Бирутес-Калнас) скандинавского поселенческого элемента подчёркивается наличием в нижнем горизонте североевропейской керамики.

Прекращение жизни на южной дюне Коралленберге самое позднее в нач. XII в. ставит под сомнение тезис представителей прусской археологической школы о прямой связи этого поселения и могильника Stangenwalde. Дело в том, что ныне выдвинут вывод о существовании указанного могильника в рамках XIII – второй пол. XV вв., хотя признаётся, что найденные в его погребениях фибулы датируются в общих рамках X/XI–XV вв. (Biermann, Hergeligiū, Voigt, Bentz, Blum, 2011, 277, 278). Жизнь на площадке поселения Korallenberge прерывается в начале/первой четверти XII вв. Сравнивая материалы указанных поселения и могильника, попробуем выяснить их соответствие. Несмотря на кажущийся большой объём фактического материала с обоих памятников, совпадений в вещевой номенклатуре (по типам и вариантам) в этом массиве немного.

Самый массовый материал, обычно добываемый при археологических раскопках – керамические сосуды и их обломки – на могильнике Stangenwalde минимален. Единственный известный нам рисунок отображает в три четверти круговой сосуд (рис. 7) типа *Žulkus B-1:b* (соответствующий западнославянским сосудам группы *Vipperow* и *Teterow*), датируемому для древностей куршей XI–XIII вв. (*Žulkus*, 2007, 284–287). Расширение тулова в средней части высоты сосуда из Stangenwalde и присутствие в его орнаментике лишь горизонтальных прорезных линий указывает на его позднюю датировку – ближе к XIII в.

Ряд находок из Stangenwalde, известных из архива К. Энгеля – куршские по происхождению: бронзовые мужской браслет треугольного сечения и наконечник ножен меча подтипа *Kazakevičius Vb* (*Kazakevičius*, 1998, 310), датируемый XI–XIII вв. Одна из подковообразных фибул с прорезными изображениями свастик на своих наверхиях, найденных на могильнике Stangenwalde (рис. 8), типа *Carlsson TRA:KSV* (*Carlsson*, 1988, 24), также по аналогиям *Каупа* датируется X в. Правда, в одной из научно-популярных статей В. Ла Бома она

Рис. 8. «Позднеязыческие детали погребального инвентаря» из могильника Stangenwalde. Фото из архива К. Энгеля (по: Archiv R. Grenz, Archäologisches Museum Gottorf)

(как и браслет, упомянутый выше) отмечена как найденная на Каупе (La Vaume, 1940, Taf. 568,3), правда, без упоминания места находки и комплекса. Также и наконечник ножен меча, приписываемый Р. Гренцем (вслед за К. Энгелем) могильнику Stangenwalde, Бернт фон цур Мюлен относит к находкам на Каупе (Р. М. Nr. III, 104, 941 – Mühlen, 1975, 143, Taf. 15,5). Не уверен, что бывший в предвоенное время студентом Б. фон цур Мюлен был более точен в своём определении принадлежности находок, чем К. Энгель, чьим архивом пользовался Р. Гренц. В любом случае, ряд предметов вооружения из могил Stangenwalde, например – топор типа JP A (Петерсен, 2005, 70) и ланцетовидный наконечник (рис. 9) дротика несомненно относятся к эпохе викингов. Поселение Korallenberge, как и, очевидно, связанный с ним в эпоху викингов могильник Stangenwalde, были младшими современниками поселения Каур и пережили его (Тюрин, 2011, 127).

Сложнее выглядит ситуация с подковообразными фибулами, найденными и на Korallenberge, и на Stangenwalde. В частности, крайне

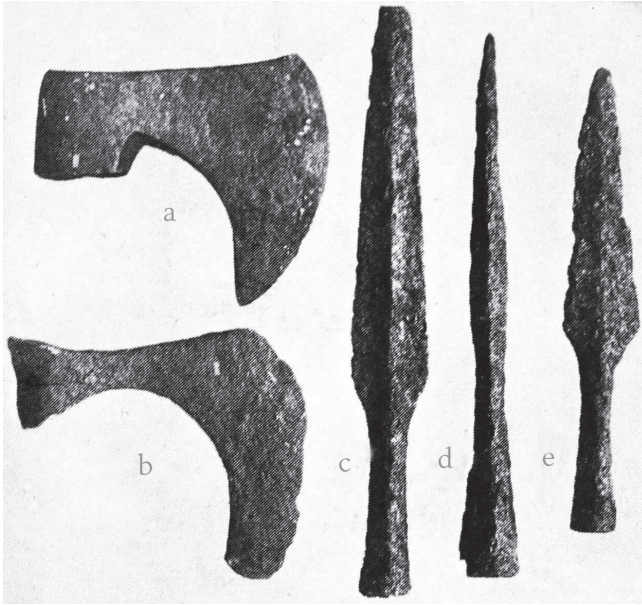

Рис. 9. Оружие из погребений на могильнике Stangenwalde
(по: Archiv R. Grenz, Archäologisches Museum Gottorf)

близки фибулы из верхнего яруса поселения (рис. 5,2) и из погр. St-69/8 (рис. 10,1), по комплексу (особенно – по готической застёжке – рис. 10,5) относимой к XIII в. Обе принадлежат к типу Mohnkopffibeln и обладают сходным размером, однако у фибулы из Korallenberge внутренние стороны наверший спилены для облегчения прохода между ними иглы фибулы. Такая черта у подковообразных застёжек типа Karlsson VAL (Mohnkopffibeln) позже XI в. не отмечена.

Остальные фибулы из раскопов на Korallenberge прямых аналогов в материале могильника Stangenwalde не имеют. Пластинчатая фибула (рис. 5,1) не характерна для комплексов орденского времени (именно их материал в массе сохранился в материале Stangenwalde), а подковообразные фибулы из раскопов на Korallenberge не обладают характерными для орденского времени широко раскованными навершиями и тонкими дротами дуги, не выходя за пределы нач. XII в., времени разрушения верхнего яруса поселения на площадке дюны Korallenberge. Тем более нет в этом ярусе аналогов уникальной находке из могильника Stangenwalde – фрагменту плоской двусторон-

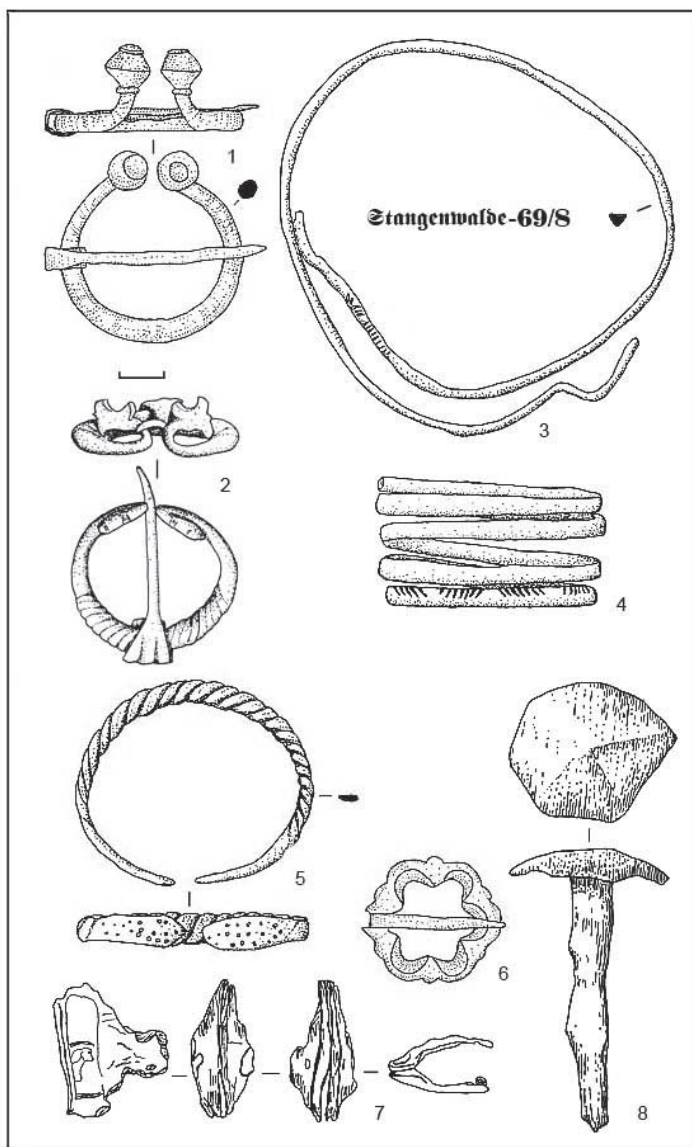

Рис. 10. Комплекс находок из погр. St-69/8 могильника Stangenwalde: 1, 2 – бронзовые фибулы; 3 – бронзовая гривна; 4 – бронзовый спиральный браслет; 5 – бронзовый псевдо(?)-витой браслет; 6 – шестиугольная застёжка; 7 – обрывки кожи от пояса (?); 8 – гвоздь грубой (по: Biermann, Hergeligi, Voigt, Bentz, Blum, 2011, Abb. 19)

Рис. 11. Фрагмент бронзовой фигурки орденского рыцаря из могильника Stangenwalde (Archiv R. Grenz, Archäologisches Museum Gottorf, Pr 3321)

ней фигурке орденского рыцаря, датировка которой XIII–XIV вв. бесспорна, но атрибутика затруднена (рис. 11).

Единственной возможностью логично связать оба памятника является предположение о проживании куршей, хоронивших своих родственников на могильнике Stangenwalde в XII–XV вв., не на площадке дюны, где неизвестны находки позднее нач. XII в. Этот отрезок времени отрывочно также представлен на могильнике Stangenwalde.

Как показали разведки, проведённые П. Шиффердеккером в 1870 г. и автором этих строк в 2002 г. (Архив ИА РАН, Ф. 1, Кулаков В. И., 2001 г.), к северу от юго-западной дюны Korallenberge существуют остатки не менее трёх построек (по П. Шиффердеккеру – «хижины G, H, O» – Schifferdecker, 1873, 57). Именно в них и в подобных жилищах, построенных после разрушения поселения, на дюне у её подножия и могли обитать курши в XII–XV вв. Окончательно решить эту проблему могут лишь археологические раскопки в равнинной части поселения Korallenberge.

Литература

- Давидан 1962 – Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги. Археологический сборник, вып. 4. Ленинград, 1962, 97–106.
- Костык, Кулаков 2009 – Костык Е. А., Кулаков В. И. Каталог археологических объектов и предметов, расположенных на территории Калининградской области, прилегающей к Куршскому и Вислинскому заливам. Калининград, 2009.
- Кулаков 1990 – Кулаков В. И. Древности пруссов VI–XIII вв., САИ, вып. Г 1–9, Москва, 1990.

- Кулаков 2011a – Кулаков В. И. Балтская часть могильника Кауп. *Archaeologia Lituana*, t. 12. Vilnius, 2011, 87–98.
- Кулаков 2011b – Кулаков В. И. Клад 1892 г. из окрестностей Кранца / Зеленоградска (Калининградская область) // РА, 201, № 2, Москва, 2011, 133–141.
- Кулаков, Тепляков, Пузакова 2001 – Кулаков В. И., Тепляков Г. Н., Пузакова Г. С. Остров Розиттен: история заселения. Калининград–Кёнигсберг, 2001.
- Кулаков, Жиндарев, Волкова 2003 – Кулаков В. И., Жиндарев Л. А., Волкова И. И. Korallen-Berg (Süd): опыт палеогеографической реконструкции поселения викингов. Проблемы изучения и охраны природного и культурного наследия. Москва, 2001, 95–107.
- Петерсен 2005 – Петерсен П. Норвежские мечи эпохи викингов. Санкт-Петербург.
- Тюрин 2011 – Тюрин Е. А. Кауп и Кораллен-Берг в финальной стадии эпохи викингов. Культурное наследие Восточной Пруссии, часть II, 123–131.
- Широухов 2011 – Широухов Р. А. Контакты пруссов и куршей X–XIII вв. по археологическим источникам. *Lietuvos archeologija*, t. 37. Vilnius, 2001, 167–206.
- Штакельберг 1962 – Штакельберг Ю. И. Глиняные диски из Старой Ладogi. Археологический сборник, вып. 4, Ленинград, 1962.
- Bezenberger 1889 – Bezenberger A. *Die Kurische Nehrung und ihre Bewohner*. Stuttgart, 1889.
- Biermann, Hergeligi, Voigt, Bentz, Blum 2011 – Biermann F., Hergeligi C., Voigt G., Bentz M., Blum O. Das Gräberfeld des 13. bis 15. Jahrhunderts von Stangenwalde bei Rossitten auf der Kurischen Nehrung – Auswertung der Materiellen im Berliner Bestand des Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen). *Acta Praehistorica et Archaeologica*, Bd. 43. Berlin, 2011, 215–352.
- Carlsson 1988 – Carlsson A. *Vikingatida ringspännen fren Gotland*. Text och katalog. Stockholm, 1988.
- Engel 1931 – Engel C. Beiträge zur Gliederung des Jüngsten Zeitalters in Ostpreussen. *Congressus secundus archaeologorum balticorum*. Riga.
- Kazakevičius 1998 – Kazakevičius V. Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavijų makštų galų apkalai). *Lietuvos archeologija*, t. 15. Vilnius, 287–332.
- Kulakov 2005 – Kulakov V. I. Siedlung Korallen-Berg. Kurze Nachricht über die Ausgrabungen 2001 und 2002. *Res Balticae*. Miscellanea Italiana di studi Baltistici, vol. 10, Livorno, 2005, 175–182.
- Kulakov 2006 – Kulakov W. Die Runen des Samlands: Funde Saison 2001. *Archaeologia Baltica*, t. 6. Klaipėda, 2006, 152–156.
- La Baume 1940 – La Baume W. Die Wikinger. *Vorgeschichte der Deutschen Stamme Ostgermanen und Nordgermanen*. Leipzig-Berlin.
- Lingstrom 1992 – Lingstrom Tonkumpf. *Wikinger. Waräger. Normannen. Die Skandinavien und Europa 800–1200*. Berlin, 1992, 244.
- Mühlen 1975 – Mühlen B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen. *Bonner Hefte zur Vorgeschichte*, Nr. 9.
- Pietsch 1982 – Pietsch R. *Fischerleben auf der Kurischen Nehrung*. Lüneburg, 1982.
- Schiffedercker 1872 – Schiffedercker P. Der Begräbnisplatz bei Stangenwalde. *SPÖG*, 12. Jahrg. Königsberg, 42–56.
- Schiffedercker 1873 – Schiffedercker P. Bericht über eine Reise zur Durchforschung der Kurischen Nehrung in archäologischer Hinsicht. *SPÖG*, 14. Jahrg., 2. Abt. Königsberg, 1873, 33–71.

- Selling 1998 – Selling D. Keramiken i Eketorp–III. *Eketorp–III. Den medeltida befästningen pe Öland. Artefakterna*. Stockholm, 1998, 53–92.
- Tischler 1874 – Tischler O. Sitzung am 6. Oktober 1874: Über eine Wanderung auf der Kurischen Nehrung. *SPÖG*. Bd. 15. Königsberg, 24–27.
- Tweddle 1992 – Tweddle D. Zwei Kämme. *Wikinger, Waräger. Normannen. Die Skandinavien und Europa 800–1200*. Berlin, 1992, 326.
- Žulkus 1985 – Žulkus V. Birutės kalnas ir Palanga. *Baltija*. Vilnius, 1985, 9–11.
- Žulkus 1997 – Žulkus V. *Palangos viduramžių gyvenvietės*. Klaipėda, 1997.

Архивные материалы

- Архив ИА РАН, Ф. 1, Кулаков В. И., Отчёт о работе Балтийской экспедиции в 2001 г. на поселении Кораллен-Берг.
- Архив ИА РАН, Кулаков В. И., 2002. Отчёт о работе Балтийской экспедиции на поселении Кораллен-Берг в 2002 г., № 22942.
- Archiv R. Grenz, Archäologisches Museum Gottorf.

Список сокращений

- КГУ – Калининградский государственный университет (с 2011 г. – Балтийский федеральный государственный университет им. И. Канта)
- МГУ – Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова
- САИ – Археология СССР. Свод археологических источников
- SPÖG – Schriften der Physikalisch-Ökonomischer Gesellschaft zu Königsberg.

Vladimir Kulakov

STANGENWALDE AND KORALLENBERGE

Summary

Excavation in a game XIX century on Stangenwalde located in the natural boundary a soil burial ground not less than 24 burials were found. The funeral ceremony on a burial ground is presented by Inhumation with various orientation. Frames were in the coffins which boards were fastened by iron nails.

For the first time the archaeological monument which is settling down in 6 km to the southwest from Rossitten / Rybatshij Korallenberge in the natural boundary, became known to science since 1869. Unlike a soil burial ground of Stangenwalde the mentioned settlement – only from archeology monuments in southwest part of Curonian Spit, located on the sea coast. The thesis about synchronism and communication among

themselves in O. Tishler and other Prussian archeologists of the XIX century of doubt didn't cause these monuments.

Very modest parameters and lack of shaft and ditches at Korallenberge don't allow to consider this settlement as the classical ancient settlement. Most likely it is the strengthened estate, it is possible – an embryo of the latest lock.

The life termination on the southern dune of Korallenberge the latest in the head of the XII century calls into question the thesis of representatives of Prussian archaeological school about direct link of this settlement and Stangenwalde burial ground.

The only opportunity it is logical to connect both monuments the assumption of accommodation is Kuren, burying relatives on Stangenwalde burial ground in the XII–XV centuries, not on a dune platform where finds after the head of the XII century are unknown. This interval of time is sketchy also presented on Stangenwalde burial ground.